

Функциональная специфика глагола в репортаже

В. И. Коньков¹, Чжан Хуэйцин²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Второй Пекинский университет иностранных языков,
Китайская Народная Республика, Пекин, р-н Чаоян, Дин Фу Чжуан Нанли, 1

Для цитирования: Коньков, В. И., Чжан Хуэйцин (2020). Функциональная специфика глагола в репортаже. *Медиалингвистика*, 7 (4), 409–417. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.403>

В работе анализируются функциональные возможности русского глагола в жанре информационного репортажа. Использование глагола в форме настоящего актуального (настоящего репортажа) считается одним из основных признаков жанра репортажа. Однако анализ показывает, что наряду с формами настоящего актуального в репортаже активно используются формы глаголов прошедшего времени несовершенного вида. Авторы обращают внимание на функциональную тождественность тех и других глагольных форм. Настоящее репортажа (настоящее актуальное) может быть образовано только от глаголов несовершенного вида. Именно несовершенный вид глагола создает у читателя ощущение включенности в событие, о котором говорится в репортаже. При этом неважно, в форме настоящего или прошедшего времени находятся глаголы несовершенного вида. Функциональные возможности глагола в тексте репортажа описываются в тесной связи с природой медийного текста, в частности с категорией социального пространства-времени. Вводится понятие коммуникативного статуса медиатекста — степень актуальности медийного текста для социума, обусловленная характером его связи с координатами социального пространства-времени. Различаются три коммуникативных статуса. *Актуальный медиатекст* становится таковым в момент опубликования, когда он является частью общей практической деятельности социума. Медиатекст создается для *здесь и сейчас*. *Тексты прошедшего времени* утрачивают непосредственную связь с настоящим актуальным социумом, но не теряют своей значимости. Они хранят важную информацию, опыт, приобретенный социумом. Медиатексты, потерявшие связь с социумом, принадлежат миру знаний, становятся артефактами ушедшей эпохи, приобретая статус *текста-когнитива*. Анализируется возможность описания медиатекста на основании категории хронотопа. Использование категории хронотопа в понимании М. М. Бахтина можно считать корректным только применительно к исследованию очерка и репортажа большого объема с развитым изобразительно-аналитическим началом.

Ключевые слова: социальное пространство-время, репортаж, коммуникативный статус медиатекста, глагол, настоящее время.

Функциональная специфика глагола в репортаже

Для успешного изучения любого иностранного языка необходимо знакомство не только с историей страны, ее культурой, национальными традициями. Необходимо также хорошо знать и понимать контекст повседневной жизни социума. В условиях интенсификации диалога национальных культур, вызванной успешно

развивающимися экономическими связями Китая и России, важную роль играет знание и понимание актуального контекста современности в сфере экономики, политики, идеологии как на уровне межгосударственных отношений, так и на уровне повседневного существования обычного человека с его ежедневными заботами, тревогами, проблемами. Для изучения русского языка в тесном сочетании с актуальным контекстом современности как нельзя более подходит жанр печатного репортажа небольшого объема с доминирующей информационной функцией, когда изобразительность и аналитическое начало развиты слабо.

Коммуникативная ситуация, на основе которой формируется репортаж, сводится к следующему. Ее основу составляет актуальное социально значимое событие (происходящее, происшедшее или ожидаемое). Автор репортажа имеет статус участника или очевидца: он находится там, где событие происходит, произошло или должно произойти. На основе непосредственного восприятия журналист не только сообщает читателю информацию о происходящем, но и дает наглядное представление о событии.

Подобная коммуникативная ситуация формирует речевую структуру репортажа как принципиально неоднородную в плане составляющих его речевых действий (речевых форм). О существовании устойчивой «композиционно-жанровой схемы репортажа» еще в 1981 г. писали авторы коллективной монографии «Стилистика газетных жанров», выделяя следующие ее компоненты: зарисовочная заставка, собственно репортажное описание, повествование, публицистическое отступление, элементы интервью (чужая речь), концовка [Розенталь 1981]. В зависимости от того, ориентируется ли репортаж на изображение хода события или ситуации, сложившейся в результате происшедшего события, в нем могут доминировать в первом случае повествовательные речевые действия, во втором — описательные [Дускаева 2018]. В достаточно большом количестве случаев репортаж может совмещать в своей речевой структуре особенности обоих типов. Кроме того, в репортаже обязательны речевые партии очевидцев или участников, обязательны комментирующие речевые действия и информационные фрагменты со вспомогательной информацией, не имеющей статуса новости.

В осуществлении всех этих речевых действий важная роль принадлежит глаголу, анализом функционирования которого в тексте репортажа мы и займемся.

Исследователи прежде всего обращают внимание на жанрообразующую функцию в репортаже глагольных форм настоящего времени. В этом случае используется номинация *настоящее репортажа*. Авторы пособия «Стилистика газетных жанров» пишут: «Специфичность “настоящего репортажа” заключается в том, что оно передает действия, совершающиеся “на глазах” у воспринимающего эти действия. Они могут относиться и к фактическому прошлому, уходить в него, но для воспринимающего их журналиста-репортера, а следовательно, для читателя они происходят в момент речи, сейчас, сию минуту. Эта сиюминутность происходящего и описываемого и делает данную временную форму специфически репортажной» [Вакуров, Кохтев, Солганик 1978: 83].

С высказанными суждениями о роли глагольных форм настоящего времени в репортаже соглашается М. Н. Ким [Ким 2011: 335]. Л. Р. Дускаева и Л. М. Майданова говорят о репортаже как о «жанре новостной журналистики, в котором рассказ о событии ведется (в электронных СМИ) или как бы ведется (в прессе)

одновременно с развертыванием действия», а средства «имитации одновременности события и рассказа о нем — это настоящее время глагола в сочетании с перфектом» [Дускаева, Майданова 2003: 81].

Никак не оспаривая того, что говорят перечисленные выше авторы о функциях *настоящего репортажа*, мы обращаем внимание на то, что в репортаже достаточно часто для обозначения «имитации одновременности события и рассказа о нем» используются глаголы несовершенного вида в форме прошедшего времени. Рассмотрим несколько фрагментов из серии репортажей Н. Бероевой, напечатанных в «Комсомольской правде» и посвященных работе на круизном теплоходе, куда журналистка «тайно устроилась официанткой, чтобы выяснить, усвоили ли речники уроки “Булгарии”»:

И вот наконец нахожу нужный теплоход. Бегу на московский Речной вокзал. В каюте без иллюминатора у компьютера сидела она — директор ресторана. Королева общепита. Екатерина Владимировна. «Работа тяжелая, но не соскучишься», — обещала она (05.06.2012).

Мотор теплохода лихорадочно дрожал где-то там, под моей койкой, в самом сердце судна. Каждая вибрация отдавалась болью во всех мышцах и суставах. Из открытого иллюминатора в тесную каюту задувал студеной речной воздух. На соседней койке гремела храпом посудница. Первый день навигации подошел к концу. За бортом текла глубокая густая ночь. Перед глазами мелькали тарелки и вилки (06.06.2012).

К ужину ряды туристов поредели. Пришедшие опасливо поглядывали на еду и озлобленно — на нас. Мы улыбались через тошноту и головокружение. «Ну чем они могли отравиться? Я сам все пробую!» — стонал повар. Графины с желтой водой стояли на столах и доливались после каждого приема пищи. В кулер на палубе вода заливалась та же (07.06.2012).

Мы видим, что при изображении происходящего и при «имитации одновременности события и рассказа о нем» наравне с глаголами настоящего времени используются и глаголы несовершенного вида в форме прошедшего времени. Те и другие функционально не противопоставлены друг другу, хотя одни имеют форму настоящего времени, другие — прошедшего.

Чем же объясняется функциональное единство этих глаголов? Ответ очевиден. Они объединены категорией вида. Форму настоящего времени имеют глаголы только несовершенного вида. Именно значение вида отвечает потребности вызывать у читателя ощущение соприсутствия, сопричастности происходящему, поскольку выражает «действие в процессе его протекания» [Русская грамматика 1980: 583]. В свое время на возможность использования глаголов несовершенного вида в изобразительных целях обратил внимание В. В. Виноградов: «Прошедшее время несовершенного вида, представляя прошлое действие в его течении, а не в его результате, живописно и изобразительно» [Виноградов 1947: 558]. Автор подчеркивал, что «качественно-описательный оттенок значения в форме прошедшего времени несовершенного вида выступает настолько рельефно, что оно становится основным средством описания характеристики свойств какого-нибудь лица или предмета» [Виноградов 1947: 561].

Специфика функциональных возможностей глагола в репортаже не ограничивается особенностями употребления видо-временных форм глагола как таковых,

о чем было сказано выше. Необходимо обратить внимание и на те особенности функционирования глагола, которые обусловлены природой медийного речи (текста), ее онтологией.

Главным качеством медийной речи, определяющим ее природу, является непосредственная включенность в общую практическую деятельность общества, социума [Коньков 2016]. Медийный текст всегда в своем появлении и существовании связан с конкретными координатами социального пространства-времени [Сорокин, Мертон 2004]. Сегодняшний номер ежедневной городской газеты нужен только сегодня и только жителям этого города. Завтра выйдет новый номер газеты, а сегодняшний потеряет свою актуальность. Такой речевой товар предназначен для разового употребления, и поэтому продукция СМИ в полном объеме как речь сугубо утилитарная не предназначена для хранения.

Для того чтобы описать движение медийного текста во времени, необходимо ввести понятие коммуникативный статус медиатекста (КСМ). Под КСМ мы понимаем степень актуальности медийного текста для социума, обусловленную характером его связи с координатами социального пространства-времени [Коньков 2018]. Обозначим основные КСМ, имея в виду, что перед нами оперативный жанр информационного печатного репортажа.

Медийный текст, в нашем случае информационный репортаж, выглядит максимально вписанным в общую практическую деятельность социума тогда, когда он читается в момент его опубликования. На оси социального времени моменты выхода репортажа и момент его чтения совпадают. В этом случае мы говорим, что текст имеет *актуальный коммуникативный статус*.

Несмотря на наличие в тексте репортажа глаголов в форме настоящего актуального, читатель понимает и нисколько не сомневается в том, что событие, которому посвящен репортаж, произошло вчера или ранее, и лишь результат его в сознании читателя вмещен в реальность с помощью категории изъявительного наклонения. Наиболее точно такая ситуация выражается значением перфекта (действие совершалось в прошлом, но его результат дан нам в настоящем): *Горничная вместо приветствия измерила меня высоकोмерным взглядом и сунула замызганную, но чистую простыню, потрепанное одеяло и килограммовую подушку. На складе, который помещался в одной из кают, валялось все что угодно — а где-то в углу под пылесосом нашлась и моя будущая форма* (05.06.2012). Глаголы же несовершенного вида, как настоящего, так и прошедшего времени, создают у читателя ощущение сопричастности происходящему.

С течением времени КСМ меняется. Своим содержанием текст навсегда остается привязанным к дате опубликования. В отличие от текстов, например, художественной литературы он не обладает вневременной значимостью, заложенной в него авторами изначально. Актуальный в прошлом, он не теряет связи с жизнью социума, несет информацию о его прошлом, но с координатой *сейчас*, соответствующей точке на оси социального времени, разделяющей прошлое и будущее, этот текст уже не связан. Соответственно глаголы прошедшего времени совершенного вида начинают прочитываться уже иначе. Их действие мыслится законченным в прошлом, тогда, когда текст был воспринят как актуальный, т. е. вписанный в то время в практическую деятельность социума, и результат этого действия находится там же, в прошлом. Журналистка устроилась работать официантом и написала

репортаж в 2012 г., а в 2020 г. этот результат актуальным не выглядит. Подобное восприятие особенностей представления действия глаголом было свойственно древнерусскому аористу. Назовем тексты в этом коммуникативном статусе *текстами прошедшего времени*.

Наконец, рано или поздно наступает время, когда социум в его традиционном виде перестает существовать, переформатируется. Вместе с социумом перестают функционировать в активном речевом обиходе и его тексты. Они уходят в небытие. А те, которые сохраняются, становятся интересны лишь как артефакты ушедшей эпохи. Они принадлежат теперь миру знаний. Их коммуникативный статус — статус *текста-когнитива*. В мире знаний нет прошлого, настоящего и будущего, о чем свидетельствуют особенности употребления глагола в научном стиле. Сообщения о том, что происходило когда-то в жизни ушедшего от нас социума, воспринимаются просто как констатация факта: *Комиссар по министерству путей сообщения А. А. Бубликов предложил правлениям обществ частных железных дорог принять срочные меры к увеличению содержания служащим, мастеровым и рабочим названных дорог и в первую очередь озаботиться выдачей этим служащим дополнительного вознаграждения в соответствии с нормами, установленными на сей предмет на казенных дорогах* (Изв. 04.03.1917). Сейчас, в марте 2020 г., мы воспринимаем этот текст как констатацию факта, относящегося к событию, имевшему место в прошлом.

Анализируя функциональные возможности глагола в тексте, мы не можем обойти категорию хронотопа, введенную в свое время в активную исследовательскую работу М. М. Бахтиным [Бахтин 1975]. Говоря о хронотопе, М. М. Бахтин имел в виду эстетически обусловленную («художественно освоенную») пространственно-временную организацию виртуального мира художественного произведения: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин 1975: 235].

Категория хронотопа сейчас используется и в работах по журналистике, но здесь она осмысливается как категория социально-философская, и мы видим перед собой в исследованиях «хронотоп как метод воспроизведения социальной реальности журналистикой»: «Хронотоп в журналистике — это субъективный конструкт, транслирующий авторское представление о времени и пространстве. Журналист произвольно генерирует энергию хронотопа, определяя скорость течения событий, их череду и сменность, последовательность изменений. Пространственно-временные характеристики определяются интерпретатором и зависят от уровня его семиотической подготовки» [Витвинчук 2014: 39]. Иными словами, журналист осмысливает окружающую его жизнь как текст, и «журналистская методология воспроизведения реальности меняет природу и конфигурацию социального пространства, оказывает влияние на его пространственно-временные параметры» [Витвинчук 2014: 47].

Категорию хронотопа в лингвистическом аспекте истолковывает Т. В. Шмелева, определяя на основе этой категории специфику репортажа. Отталкиваясь от

идеи М. М. Бахтина о жанрообразующем значении хронотопа, автор говорит о том, что «новость имеет хронотоп “ближайшего прошлого” и широкого захвата пространства, поскольку медиакартину создают в принципе всей планеты, однако при этом меняется масштаб “захватываемых” событий. Репортаж предполагает хронотоп “здесь и сейчас”, обеспечивающий эффект присутствия слушателя/читателя. Аналитические статьи расширяют временной и пространственный диапазон, сопоставляя актуальные ситуации с “там и тогда”» [Шмелева 2019: 279].

Прежде всего далеко не очевидной представляется сама идея о возможности использования категории хронотопа применительно к исследованию репортажа в лингвистическом аспекте. Номинацией *репортаж* называют принципиально различные по своим коммуникативным свойствам типы текста: с одной стороны, информационные тексты, по объему и содержанию (но не по его речевой разработке!) равные расширенной информации, а с другой — тексты большого объема с развитым изобразительно-аналитическим началом.

Применительно к небольшому по объему репортажу чисто информационного типа категория хронотопа, как нам представляется, неприменима в принципе. Тексты такого типа являются частью общей практической деятельности общества, они воспринимаются читателями в координатах единого для всех социального пространства-времени. Медийная речь в этом плане может быть осмыслена нами как повседневная речь социума. С ней соотносится прежде всего разговорная речь как речь повседневного общения человека в его бытовой межличностной коммуникации. В определенном смысле медийная речь и разговорная речь находятся в отношении взаимно однозначного соответствия. Ни та, ни другая не описываются в категориях хронотопа. Социум и индивидуальная личность живут не по хронотопу, а по календарю.

Другое дело — репортаж большого объема с развитым изобразительным и аналитическим началом. Этот тип текста входит в речевую практику общества дважды, в двух коммуникативных статусах. С одной стороны, он может рассматриваться как актуальный чисто информационный текст, осмысливаемый в координатах социального пространства-времени, как это было продемонстрировано выше.

С другой стороны, репортажи второго типа благодаря развитой изобразительности, где изображение сплошь и рядом тяготеет к статусу образа, начинают восприниматься как тексты («произведения» — в системе координат М. М. Бахтина [Бахтин 1979: 302, 307]) со своим созданным автором миром, внутренней организацией пространственно-временного континуума, вне тесной привязки к моменту опубликования. Такие тексты (мы называем их текстами-когнитивами) в этой коммуникативной ипостаси одновременно принадлежат и миру реальной жизни социума (вмещены в его жизнь конкретными координатами социального пространства-времени), и миру знаний. Именно поэтому такие тексты с двумя коммуникативными статусами не утрачивают со временем своей значимости, они хранятся, переиздаются.

Читателями они воспринимаются как тексты со своим внутренним миром, который соотносится с реальным миром, но не равен ему. Читатель при восприятии текста словно входит в одновременно виртуальный и реальный мир. Функция глаголов настоящего времени в репортаже с таким коммуникативным статусом принципиально иная, чем в информационном репортаже. Здесь *настоящее репортажа*

действительно создает иллюзию присутствия читателя и автора на месте совершающегося в виртуальном мире события.

Иллюзия присутствия усиливается и благодаря тому, что многие из глаголов настоящего времени имеют семантику идентифицирующего типа [Арутюнова 1998: 34–35]: *Проезжаем мимо гаражей. В полумраке какие-то люди копошатся вокруг эвакуатора — грузят на платформу иномарку* (А. Соколова. Полицейский диссонанс. Рус. репортер. 2011. № 36). За таким словом в сознании читателя всегда стоит соответствующий фрагмент чувственно воспринимаемого мира, что при чтении репортажа и создает ощущение наглядности.

Проведенный нами анализ показал, что изучение русского глагола в медийном тексте не ограничивается исключительно грамматическими проблемами. Многие функциональные особенности глагола объясняются специфической природой медийной речи — ее утилитарностью и включенностью в общую практическую деятельность общества. Для описания этих функциональных особенностей глагола необходимо ввести понятие коммуникативного статуса медиатекста, под которым понимается степень его актуальности в жизни социума, обусловленная характером его связи с координатами социального пространства-времени. После опубликования медиатекст, будучи навсегда связанным в понимании содержания с датой опубликования, с течением времени меняет свой коммуникативный статус. Текст достаточно быстро теряет свою актуальность, включенность в практическую деятельность социума, становится текстом прошедшего времени — носителем информации и, наконец, по прошествии длительного временного отрезка, с исчезновением социума, его породившего, уходит в сферу когнитива.

Категория хронотопа, как ее понимал М. М. Бахтин, может быть использована при изучении медийных текстов только в том случае, если автор формирует в тексте свой внутренний виртуальный мир со своей пространственно-временной организацией. Этот мир соотносится с реальным миром, но не тождественен ему. В данном случае можно говорить о текстах очеркового типа и репортажах большого объема с развитым изобразительным и аналитическим началом.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1998). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
- Бахтин, М. М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе. В М. М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет* (с. 234–407). Москва: Художественная литература.
- Бахтин, М. М. (1979). Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. В М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества* (с. 281–307). Москва: Искусство.
- Вакуров, В. Н., Кохтев, Н. Н., Солганик, Г. Я. (1978). *Стилистика газетных жанров*. Москва: Высшая школа.
- Виноградов, В. В. (1947). *Русский язык*. Москва; Ленинград: Учпедгиз.
- Витвинчук, В. В. (2014). *Хронотоп российской жизни в отечественной периодике*. Барнаул: Изд-во Алтайского университета.
- Дускаева, Л. Р. (2018). Информирующая речевая деятельность журналиста. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 211–213). Москва: Флинта.
- Дускаева, Л. Р., Майданова, Л. М. (2003). Жанры публицистического стиля. В М. Н. Кожина (Ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* (с. 79–88). Москва: Флинта; Наука.
- Ким, М. Н. (2011). *Основы творческой деятельности журналиста*. Санкт-Петербург: Питер.
- Коньков, В. И. (2016). Медиа речь: содержание понятия и принципы анализа. *Мир русского слова*, 3, 58–63.

- Коньков, В. И. (2018). Коммуникативные статусы новгородской грамоты: повседневность как текст. В *Новгородика — 2018: повседневная жизнь новгородцев: история и современность*. Материалы VI Междунар. науч. конф. 26–27 сентября 2018. В 2 т. Т. 2. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2018. С. 222–227.
- Розенталь, Д. Э. (Ред.) (1981). *Стилистика газетных жанров*. Москва: Изд-во МГУ, 1981. 229 с.
- Русская грамматика*. Т. I. (1980). Москва: Наука.
- Сорокин, П. А., Мертон, Р. К. (2004). Социальное время: опыт методологического и функционально-го анализа. *Социологические исследования*, 6, 112–119.
- Шмелева, Т. В. (2019). Хронотоп медиатекста. В В. В. Васильева (Ред.), *Медиа в современном мире*. 58 Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума (18–19 апреля 2019 г.). В 2 т. Т. 2 (с. 278–279). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Статья поступила в редакцию 7 мая 2020 г.;
рекомендована в печать 2 августа 2020 г.

Контактная информация:

Владимир Иванович — д-р филол. наук, проф.; v_konkov@mail.ru
Чжан Хуэйцзинь — д-р филол. наук, проф.; zhanghq1992@hotmail.com

Functional verb specificity in the report

V. I. Kon'kov¹, Chzhan Huejcin²

¹ St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Beijing International Studies University,
1, Nanli Community, Dingfu Town, Chaoyang District, Beijing Municipality, People's Republic of China

For citation: Kon'kov, V. I., Chzhan Huejcin' (2020). Functional verb specificity in the report. *Media Linguistics*, 7 (4), 409–417. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.403> (In Russian)

The work analyzes the functionality of the Russian verb in the genre of information reporting. The use of the verb in the form of this actual (real reportage) is considered one of the main features of the genre of reporting. However, the analysis shows that along with the forms of the present topical in the report are actively used forms of verbs of the past time of imperfect kind. The authors pay attention to the functional identity of these verb forms. The present reportage (real topical) can only be formed from the verbs of an imperfect kind. It is the imperfect appearance of the verb that gives the reader a sense of inclusion in the event, which is mentioned in the report. It does not matter whether the verbs of an imperfect kind are in the form of the present or the past. The functionality of the verb in the text of the report is described in close connection with the nature of the media text, in particular with the category of social space-time. The concept of the communicative status of the media library is introduced — the degree of relevance of the media text for society, due to the nature of its connection with the coordinates of social space-time. There are three communicative statuses. *The actual mediatext* is such at the time of publication, when it is part of the general practical activity of the society. The mediatext is being created for here and for now. *Texts of the past time* lose direct connection with the present topical society, but do not lose their importance. They store important information, experience acquired by society. Mediatexts that have lost touch with society become artifacts of a bygone era, acquiring the status of *a cognitive text*. The ability to describe a mediate based on the chronotop category is analyzed. The use of the category of chronotop in the understanding of M. M. Bakhtin can be considered correct only in relation to the study of the essay and reportage of a large volume with a developed visual and analytical beginning.

Keywords: social space-time, reportage, communicative status of the mediatext, verb, present.

References

- Arutyunova, N. D. (1998). *The language and the world of man*. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotop in the novel. In M. M. Bakhtin, *Issues of literature and aesthetics. Studies of different years* (pp. 234–407). Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis. In M. M. Bakhtin, *The aesthetics of verbal creativity* (pp. 281–307). Moscow, Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2018). Informing speech activity of a journalist. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Medialinguistics in terms and concepts: a dictionary reference* (pp. 211–213). Moscow, Flinta Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. R., Maidanova, L. M. (2003). The style of newspaper genres. In M. N. Kozhina (Ed.), *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language* (pp. 79–88). Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Kim, M. N. (2011). *The basics of the journalist's creative activity*. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Kon'kov, V. I. (2016). Media: The content of concepts and principles of analysis. Media speech: The content of the concept and the principles of analysis. *Mir russkogo slova*, 3, 58–63. (In Russian)
- Kon'kov, V. I. (2018). Communication statuses of Novgorod literacy: daily life as text. V *Novgorod — 2018: Everyday life of Novgorod residents: history and modernity*. Materials V. International Scientific Conference September 26–27, 2018. In 2 vol. Vol. 2 (pp. 222–227). Velikii Novgorod, Novgorod State University Yaroslava Mudrogo Publ., 2018. (In Russian)
- Rozental', D. E. (Ed.) (1981). *The style of newspaper genres*. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 229 p. (In Russian)
- Russian grammar*. Vol. I. (1980). Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2019). Chronotope of mediatext. In V. V. Vasil'eva (Ed.), *Media in the modern world*. 58 St. Petersburg readings. Collection of materials of the International Scientific Forum (April 18–19, 2019). In 2 vol. Vol. 2 (pp. 278–279). St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Sorokin, P. A., Merton, R. K. (2004). Social time: experience of methodological and functional analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 6, 112–119. (In Russian)
- Vakurov, V. N., Kokhtev, N. N., Solganik, G. Ia. (1978). *The style of newspaper genres*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language*. Moscow; Leningrad, Uchpedgiz Publ. (In Russian)
- Vitvinchuk, V. V. (2014). *Chronotop of Russian life in the domestic periodical. Monograph*. Barnaul, Altai University Publ. (In Russian)

Received: May 7, 2020

Accepted: August 2, 2020

Authors' information:

Vladimir I. Kon'kov — Dr. Sci. in Philology, Professor; v_konkov@mail.ru

Chzhan Huejcin' — Dr. Sci. in Philology, Professor; zhanghq1992@hotmail.com